

УДК 304.9

А. В. Щербина*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА: МОДЕЛИ КРИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Рассматривается влияние критической традиции в социологии на социальную критику. Показывается востребованность социологических моделей критической аргументации в современном социальном критицизме. Анализируется дрейф социологии от критической макродиагностики современного общества к интерпретации локальных критических дискурсов. Обосновывается необходимость восстановления нормативного фокуса социологической критики.

Критическое мышление, социальная критика, критическая традиция в социологии, версии критических теорий, модели критической аргументации, социологическая теория критики

Перспективы гуманитарного образования в системе высшей школы в нашей стране, да и в других странах, неоднозначны. Снижение государственного финансирования, коммерциализация образования, акцент на профессиональной подготовке, требования измеримости результатов образовательного процесса – все это приводит к сомнениям относительно того, какие практические навыки формируют гуманитарные науки, в частности, социология. Идеологическая функция отошла на задний план, теперь не требуется осуществлять индоктринацию студентов, но по-прежнему актуальной остается задача формирования критического мышления.

Критическое мышление в самом широком смысле – это деятельность познающего сознания. В Предисловии к «Феноменологии духа» Гегель анализирует механизм «обращения сознания» в процессе познания. В познающем сознании различаются познаваемый предмет и само знание, т. е. то содержание сознания, которое сознание полагает критерием проверки по отношению к предметному содержанию: «...сознание *отличает* от себя нечто, с чем оно в то же время *соотносится*; или, как выражаются, оно есть нечто для сознания; и определенная сторона этого *соотношения* или *бытия* “нечто” (von Etwas) для *некоторого* сознания есть *знание*. Но от этого бытия для чего-то иного мы отличаем *в-себе-бытие*. То, что соотносено с знанием, в свою очередь отличается от знания и устанавливается как *обладающее бытием* также и вне этого соотношения; эта сторона этого в себе называется *истиной* <...> Следовательно, в том, что сознание внутри себя признает в качестве *в-себе* (-бытия) или в качестве *истинного*, мы получаем критерий, который оно само устанавливает для определения по нему своего знания» [1, с. 46–47]. «На этом различении <...> основывается проверка. Если в этом сравнении одно не соответствует другому, то, по-видимому, сознание должно изменить свое знание, дабы оно согласовалось с предметом; но с изменением знания для него фактически изменяется и сам предмет <...> иначе говоря, изменяется критерий проверки <...> и проверка есть проверка не только знания, но и самого критерия» [1, с. 48]. Невозможно развить критическое мышление вне или до процесса познания. Критическое мышление в этом смысле тождественно процессу познания.

Оставим в стороне восходящее к Канту различие догматического и критического мышления и сформулированное К. Поппером, неоднократно уточненное его последователями, методологическое требование «критической проверки», предъявляемое к любой исследовательской практике [2], и рассмотрим социальную критику, которая актуализирует критическое мышление или, напротив, демонстрирует его дефицит. Необходимыми условиями социальной критики как критического мышления являются освоение субъектом критики предметного содержания и рефлексия собственной позиции.

Социальная критика сегодня значительно возрастает в объеме и масштабах, демонстрирует новые способы и формы. Субъекты критики – это не только экспертные сообщества, представители социальных групп, интеллигенция, интеллектуалы, но и самые широкие слои населения. Повышение уровня образования, гражданские и политические свободы, толерантность, межкультурные взаимодействия, наконец, беспрецедентное развитие средств массовой коммуникации, формат социальных сетей позволяют любому человеку заявить о себе и претендовать на некий объем общественного внимания. Объектом критики являются не только «начальство», мировая, национальная и местные элиты, но и институты, и менталитет, и система, и история, и культура.

Упрек, сомнение, разоблачение, осуждение, отвержение – таковы эмоционально насыщенные формы критики. Активизм, алармизм, скептицизм, апатия – вызываемые ею настроения. Очевидно, что огульная критика действует разрушительно. Мы неоднократно в нашей истории пожинали ее горькие плоды и, думается, хорошо это знаем. Забвение античного принципа «не должно то, что невозможно» превращает критику в пустое самолюбование. Критика, озабоченная предметным содержанием, в явном или скрытом виде включает в себя оправдание: критик обладает ценностным сознанием и руководствуется культурными значениями.

Социальная критика, широко распространенная в современном обществе, имеет гетерогенные источники и в определенном смысле является одним из плодов «социологического просвещения» (Н. Луман). Критическое мышление, критическая традиция в социологии, многообразные версии критических теорий в социальном познании, социальная критика и социальный критицизм как установка протестных социальных движений взаимосвязаны. Не претендуя на исчерпывающий анализ влияния социологии на социальную критику, остановимся на критической методологической традиции в социологии. На нее опираются многообразные исследовательские и практико-ориентированные подходы, существенно меняющие сложившиеся дисциплинарные границы в поле гуманитарных наук, расширяющие это поле, пересекающие и упраздняющие его границы и смыкающиеся с дискурсами интеллектуалов, активистов, обывателей, публично репрезентирующих себя в коммуникативном пространстве.

Активно развивающиеся «культурные исследования» [3], соединяющие социогуманитарный анализ и антропогуманитарное конструирование (предметом выступают массовая культура, СМИ, коммуникация, семья, школа, «постколониальные» и феминистские опыты), вскрывают механизмы, обеспечивающие расовое, этнонациональное, классовое, гендерное господство, воспроизводящееся в современном обществе.

Социальная критика встроена в аналитические перспективы непривилегированных социальных групп и выражающих их интересы лидеров мнений. Вскрывая механизмы производства доминирования, разоблачая притязания господства, диагностируя насилие,

оценивая сложившийся порядок как несправедливый, социальная критика сравнивает наличное (предпосланное, навязанное, сконструированное) с желаемым. Критик задается вопросами в отношении своего объекта: как возник объект, каковы возможности его изменения, каковы осмысленные ограничения этих изменений. Социальная критика конфигурирует теоретические допущения, внимание говорящего к своей социальной позиции и возможные практически ориентированные экспликации из сказанного.

Выражение «социальная критика» многозначно. Это критика «социального», которое в качестве определения прилагается к бесконечному многообразию явлений: действиям, представлениям, институтам, группам. Социальное анализируется согласно схемам интерпретации, например, «общество и природа». Противопоставляя общество и природу, в том числе человеческую природу, критик говорит об искусственности, противоестественности, извращенности социальных порядков, несущих угрозу окружающей природе, искажающих человеческую природу, проблематизирующих выживание человечества. Отчасти эта линия критики восходит к Ж.-Ж. Руссо, отчасти актуализируется междисциплинарными исследованиями, например, этологией.

Схема интерпретации «общество и культура» позволяет разворачивать критику социальных трансформаций, порождающих стандартизацию, несущих угрозу самобытности, многообразию исторических индивидуальностей, уникальным жизненным мирам. Схема интерпретации «личность и общество» актуализирует критические аргументы относительно неподлинности, утраты индивидуальности, энтропии смысла, биороботизации. Эти схемы интерпретации обладают значительной гибкостью и востребованы в различных дискурсах: политических, художественных, экологических, религиозных.

Для социологии социальная критика – это имманентная критика в том смысле, что она должна осуществляться изнутри общества, избегая как редукционизма, так и трансцендентализма. Перефразируя Э. Дюркгейма, можно утверждать, что если социальные факты (способы чувствовать, мыслить и действовать, имеющие своим субстратом ассоциацию) нужно объяснять социальными фактами, то и критиковать социальные факты нужно, опираясь на социальные факты. Именно социология может и должна развернуть полноту социальной критики и выступить методологической базой для критики в широком диапазоне социальных исследований.

Критическая традиция в социологии связана с именем К. Маркса. В отличие от контовского проекта социологии как позитивной науки, противостоящей негативному и критическому познанию, в творчестве Маркса формулируется и реализуется программа критики современного общества – капитализма. Это имманентная критика как «самопрояснение борьбы и желаний эпохи» (К. Маркс в письме к А. Руге). Модель социальной критики, реализованной Марксом, имеет парадигмальный характер для самых разных версий критических теорий, представленных в современной социологии. Эта модель оказала и продолжает оказывать влияние (как позитивное, так и негативное) на социально-критическое мышление далеко за пределами экспертных сообществ. В данной модели критика оказывается средним термином, связующим теорию и практику. Опишем кратко эту модель.

Объектом критики выступает вся полнота общественного сознания капиталистического общества: господствующие представления о социальном порядке, обосновывающие их теоретические конструкции, проекты, утопии. Жалобная критика направлена на их кажущуюся, иллюзорную самостоятельность. Не только и не столько содержание современного мышления превращает его в идеологию. Суть дела в том, что мысли рассматриваются как самостоятельные сущности. Первая задача критики – показать, что мысли о действительности порождаются

самой действительностью, с необходимостью воспроизводятся ею и удостоверяют ее. Идеологией, т. е. ложным, извращенным сознанием они являются в том смысле, что несут в себе структурное ограничение, благодаря которому нечто становится невысказанным.

Вторая задача – приступить к критике самой действительности. Теперь критик становится теоретиком и рискует превратиться в идеолога. Классифицируя, определяя, концептуализируя действительность, он должен озаботиться контролем того способа, которым действительность порождает его идеи. Как это возможно? Допустить, что у социального мыслителя есть привилегированный автономный фокус видения социальной действительности, означало бы воспроизвести ложное извращенное сознание. Автономна только сама действительность, понимаемая как практика. Социальный мыслитель, занимающий критическую позицию по отношению к действительности, избежит участи идеолога, только если он осмелится быть настолько последовательным и радикальным, что превратит критику действительности в практическую деятельность по ее преобразованию, солидаризовавшись с социальным субъектом, условия и целеполагание которого делают это преобразование возможным. Только в процессе революционного преобразования действительности мысли не отрываются от действительности в качестве самостоятельных сущностей, а выступают самоопределением действительности. Потенциал преобразования коренится в самой действительности как всемирно-исторической практике, которая достигает самосознания в лице пролетариата.

Неизвращенная социальная теория неотделима от социальной критики, которая с необходимостью превращается в практическое революционное преобразование действительности. Социальная критика соединяет три момента. Критика идеологии разоблачает кажущиеся самостоятельными мысли путем демонстрации того, как они возникают из действительности и «забывают» или «сознательно скрывают» свой генезис. Критика действительности вскрывает механизмы производства иллюзий (отчуждение, фетишизм, реификация). На определенной степени развития действительности она саморазоблачается, происходит разгерметизация, созревают предпосылки для ее изменения. Действительная критика – практическое преобразование действительности, необходимой стороной которого выступает уже не иллюзорное знание. Такова в упрощенном виде парадигма социальной критики у Маркса.

В последующем было предпринято бесконечное многообразие попыток ее интерпретации, уточнения, усовершенствования, преодоления. Одна линия связана с развенчанием ее экстраординарного характера, ореола радикальности. Маркс интерпретируется как характерный представитель Просвещения. В философии Нового времени, в кантовском критицизме, в гегелевской диалектике, в проекте модерна, в самосознании современности уже содержались все предпосылки для такого понимания критики. Это и разрыв с традицией, и проблематизация автономного субъекта, и понимание всемирно-исторического как результата самой всемирной истории. Маркс в этой линии интерпретации сам оказывается в плену «философии сознания», телеологического понимания истории, одностороннего понимания практики.

Преодоление Маркса – не самоцель, а часть более общей задачи, подчиненной переосмыслению первоначального проекта модерна (Ю. Хабермас, М. Фуко) [4, с. 68–118]. Собственно неомарксизм сознательно опирается на предложенную Марксом парадигму и совершенствует ее, переинтерпретируя понятия идеологии, практики, всемирно-исторического субъекта. Критика должна дать анализ «политической и культурной гегемонии» (А. Грамши), стать «теорией механизмов производства идеологии» (Л. Альтюссер). И, наконец, происходит разрыв с этой парадигмой, провозглашающий завершение модерна, «исчезновение социаль-

ного», предлагающий социальной теории ограничиться интерпретацией, опосредующей взаимодействие локальных традиций и практик, в том числе критических и оправдательных.

Наиболее востребованным в современных критических дискурсах по-прежнему остается концепт идеологии. Разоблачение, срывание масок, обнаружение за идеями групповых интересов, подозрительность по отношению к любому притязающему на универсальную значимость суждению опираются не только на марксистскую аргументацию, но и на психоанализ, на генеалогию Ницше, на социологию знания Мангейма, на археологическую методологию Фуко.

Модели аргументации для критики действительности были созданы классиками социологии, принадлежащими и к другим методологическим традициям. Они обрисовали аналитические перспективы, сохраняющие актуальность и сегодня: аномия; омассовление; экспансия, чреватая самоуничтожением; растущая сложность, чреватая потерей управляемости; энтропия смысла, переживаемая сообществами и индивидами. С социологами конкурируют политически мотивированные эксперты и интеллектуалы. Привилегированный доступ к неочевидной действительности обеспечивается не только методической самодисциплиной и развитостью воображения, но и особенностью социальной позиции, которая рефлексивно принимается во внимание: доминируемых, маргинальных, исключенных.

Главным определением действительности выступает кризис. Наряду с разоблачением идеологии, диагностика кризиса – самый распространенный вид социального критицизма. В осмысление кризиса современного общества вносят заметный вклад психология, экономическая теория, практико-ориентированные исследования социальных проблем, религиозные дискурсы. В информационном обществе объем критики действительности и многообразии способов концептуализации кризиса, его масштабов и форм кратно возрастает.

Тиражирование моделей критики, широкая конвертируемость наработанных гуманитарными науками схем критической аргументации, отлившихся в крылатых выражениях («отчужденный труд», «культурная индустрия», «репрессивная толерантность», «дисциплинарное общество», «биополитика» и мн. др.), завышенные ожидания, терпимость к инакомыслию, нормализация требования подвергать сомнению любые нормы, досуг, информационные технологии, – все это способствует рутинизации осознания кризиса. Оптимизм и алармизм уступают место скептицизму и пессимизму, социальная критика девальвируется. На фоне тотального социального критицизма сужается общественный резонанс социологии, ее собственный критический потенциал.

Классическая социология претендовала на то, что она имеет дело с обществом в целом и формулирует ключевые проблемы современности (рациональности, социальной субъектности, человеческой сущности), конкурируя на этом поле с философией и даже с религией. Когда социология еще не получила публичного признания, а классики социологии были частью маргиналами, частью новаторами, они, планируя влиять на общество (путем революционных преобразований, реформ, образования и экспертизы), имели довольно четкие представления об объектах социальной критики и ее адресатах. При этом, создавая модели критической аргументации, они не ставили вопроса об иммунизации своего теоретического поиска.

Постклассическая социология держится и скромнее, и осмотрительнее. С одной стороны, она сдвигается от критической макродиагностики современного общества к интерпретации локальных критических дискурсов повседневности. Вместе с тем современная социология как институционализированное знание вынуждена постоянно заниматься самокритикой.

Ведь социально-теоретическое знание производится академическими учеными, «нормализованными интеллектуалами», для которых оно становится символическим капиталом, конвертируется во власть и влияние. Доступ к этому производству опосредован борьбой за внимание, заказы, финансирование.

Разделяя со всеми остальными бремя ограничений, накладываемых эпохой, социокультурными условиями и т. п., социальный мыслитель еще дополнительно нагружен тем, что уполномочен, признан, легитимирован, официально идентифицирован как носитель «универсальной перспективы» (П. Бурдьё). Социальный мыслитель становится объектом и инструментом власти в «порядке знания», в «режиме истины» (М. Фуко). В осуществленном Н. В. Романовским изложении полемики влиятельных социологов М. Арчер и И. Валлерстайна приводится самокритичная оценка западной социологии. М. Арчер утверждает, что социальные теоретики связаны идейными узами с истеблишментом, бюрократизированы, зависимы от финансирования при экспертизе проектов. Университетское сословие скомпрометировано и вряд ли способно предложить обществу альтернативы исторического выбора [5, с. 6].

В новейшей социологии наиболее полному переосмыслению подверглось понятие практики. Это относится и к неомарксизму, и к франкфуртской социологической школе, которая еще сознательно ориентировалась на Маркса, и тем более к социальным теориям после лингвистического и прагматического «поворотов». Не все основоположники социологии разделяли оптимизм Маркса относительно «действительной критики» и своего участия в практическом преобразовании действительности. Классическая социология демонстрирует здесь несколько типичных позиций.

Спенсер в проекте эволюционной социологии предостерегает социолога от всяких попыток революционной преобразующей деятельности в силу ее бессмысленности и даже вредности. Дав яркую критику социализма, Спенсер полагает его неизбежным. Научные прогнозы здесь бессильны, поскольку только медленное эволюционное изменение самых базовых социальных институтов приведет к смягчению нравов и к улучшению социальных порядков. Конт в своем замысле позитивной политики, возмнив себя пророком новой религии богочеловечества, фактически порывает с социологией.

В рамках социокультурного анализа Дюркгейм предложил целый ряд понятий, которые и сегодня востребованы социальным критицизмом. Практичность социологии хоть и осмыслялась Дюркгеймом в перспективе его симпатий к социализму и в свете надежд на профессиональные ассоциации как жизнеспособные формы органической солидарности, но связывалась главным образом со строго научным подходом и вытекающими из него возможностями прогнозирования.

М. Вебер, страстный политик, сознательно разводит теорию и практику, университетскую кафедру и политическую трибуну, профанируя при этом теорию и героизируя практику. Наконец, позитивистски ориентированная социология под практическим приложением социологического знания подразумевает создание социальных технологий. Исследуя действительность, постигая причинно-следственные связи, анализируя, как устроены те или иные процессы, например, зарождение общностей, мобилизация групп, можно «запускать» эти процессы на искусственных основаниях.

Социологи XX в., причисляющие себя к критической традиции, сделали ряд более или менее амбициозных заявок на практический эффект социологической критики. В программной статье М. Хоркхаймера «Традиционная и критическая теория» формулируется

предмет «критической теории» [6]: общественные отношения современности и ее собственная общественная обусловленность. Критический теоретик должен преодолеть формы мышления, которые стабилизируют капиталистическое общество и воспроизводят его, он должен нащупать путь к эмансипации и реализовать ее практически.

Отметим в контексте интересующей нас темы различие в установках критического анализа у представителей франкфуртской школы. Если М. Хоркхаймер в критике капитализма ориентируется на союз социальной философии с эмпирическими социальными исследованиями и позитивно оценивает перспективу социальной эмансипации, то Т. Адорно радикализирует критику, направляет ее на рациональность во всех ее проявлениях, вскрывает негативную диалектику прогресса, приводящую к историческому тупику. Наконец, Г. Маркузе диагностирует в «одномерном обществе» паралич критицизма: «Идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, переопределяемые рациональностью данной системы и ее количественной мерой» [7, с. 16]. Изменения социальных институтов должны опираться на трансформацию психики индивидов. Социолог-критик разоблачает (начиная с себя) ложное сознание и тем самым способствует изменению нашего способа видения мира. Предъявленное эмансипированное сознание и есть практическая реализация критической теории.

Преобладание разоблачения, документирование господства, обнаружение косности сознания и непоследовательности действий социального субъекта, которого предполагалось эмансипировать, породили пессимизм. В результате оказалось невозможно связать критический анализ с жизнеспособной программой эмпирических социальных исследований, и была утрачена связь критической теории с каким-либо политическим субъектом.

Спустя несколько десятилетий авторы «Нового духа капитализма» косвенно подтвердили правоту Г. Маркузе, анализируя поразительное свойство капитализма выживать, ассимилируя критические аргументы. «Капиталистическая система <...> открыла путь к своему спасению в направленной на нее критике» [8, с. 78]. В наши дни отечественный социолог говорит о практической бесплодности социальной критики вообще и социологической в особенности. «Критика расчищает для капитализма рабочее место. Благодаря критике все, что случается в капиталистическом мире, делается “с умом”» [9, с. 7].

Методологический потенциал критической теории франкфуртской школы взялся восстановить Ю. Хабермас. Параллельно с ним собственно социологическую версию критической теории разрабатывал Э. Гидденс. Критика, озабоченная человеческой эмансипацией, является нормативной. Она предлагает альтернативу преобладающему социальному и политическому порядку, взывает к социальным преобразованиям и преодолению социальной несправедливости. Нереализованные идеи современного общества имманентны ему. Существующие социальные отношения содержат в себе средства для их изменения. Стало быть, общество может преодолеть данное через переделку и повторное присвоение своего собственного понимания. Такая диагностическая критика содержит идею «имманентной трансцендентности», предполагает внутреннюю трансформацию общества через процессы саморефлексии.

Анализ социальных институтов включает в себя обнаружение их становления, изменчивости, прояснение возможностей их трансформации и их нормативных ограничений. Ведь направление этой трансформации неочевидно. Не будет преувеличением сказать, что именно в этом пункте происходит разрыв новейших версий социологических критических теорий с

классической социологией, опиравшейся на телеологию истории. Соответственно, и связь теории с практикой утрачивает очевидность. Из того, что нечто может быть иным (трансформационные импликации), неясно, как могут быть реализованы эти возможности и стоит ли их реализовывать. Критическая позиция привносит в реалистический анализ утопический компонент. В отличие от Маркса, который опирался на идею исторической необходимости, современные критические теоретики осознанно полагают контрфактический идеал человеческой эмансипации, модели «хорошего общества», «идеальной коммуникации» утопическими компонентами теоретического анализа, порождаемыми работой воображения и направляющими возможный практический выбор. На практическую фантазию налагаются ограничения, с которыми она должна считаться: выявленные в социальном анализе возможности (трансформационные импликации) могут быть приняты или не приняты во внимание носителями альтернативных ценностных точек зрения, «авторитетными» для данной ситуации.

Это ситуация практического выбора, исход которого не предрешен. Должен ли социолог «занять позицию»? Солидаризироваться с каким-либо субъектом? Возможно, встать на позицию маргинальных, социально непривилегированных, обделенных? Предложить критику, «национальную по средствам выражения и народную по способу обоснования» [10, с. 335]? Или, напротив, социолог должен максимально дистанцироваться от действия, анализировать возможности, но воздерживаться от решения?

Согласно П. Бурдьё, например, обнаружение в саморефлексии социального мыслителя интересов и инвестиций в символический капитал – необходимое условие «чистоты социологии», о приверженности к которой Бурдьё неоднократно заявлял. И отмежевался от критической теории, ассоциировавшейся с ангажированностью и утопической перспективой (что, впрочем, не мешало П. Бурдьё участвовать в политической борьбе и быть социальным активистом). Должен ли социолог в условиях неопределенности наделять некоторые из возможных альтернатив предпочтением, опираясь на эксплицированное нормативное обоснование?

Современная социология, начиная с 70-х гг. XX в. и вплоть до настоящего времени, протестировала все варианты ответов. В программе критической теории Ю. Хабермаса и его многочисленных последователей прослеживается общий вектор: социология, имеющая дело с современным обществом, в качестве его рациональной критики (самокритики), не просто обнаруживает нормативный идеал модерна, но и должна его все время воссоздавать заново, обучаясь сама и обучая других акторов, реализующих все еще «незавершенный проект модерна».

Модерн с его нормативным идеалом автономного самоопределяющегося субъекта всегда не завершен, а потому и актуален. Ведь экономический рост, повышение эффективности управления, как плоды общественной и культурной модернизации, имеют оборотную сторону: деградацию «жизненных миров», первичной социальности, многочисленные искажения коммуникации в повседневном познавательном, моральном, эстетическом опыте людей. Как предметы, так и основания для критики модерна принадлежат ему. Самокритика модерна прагматично заряжена, ориентирует на вовлеченность в процессы конструирования и экспериментирования в межличностном общении, семье, образовании.

Ю. Хабермас при этом подчеркивает, что до какого-то момента социологическая критика (у Маркса, Лукача, Адорно) велась с позиций философии сознания, и только благодаря «лингвистическому повороту» возникает «детрансцендентализованное» понятие «ситуативно определенного разума». Социология в своем критическом измерении исследует, как регулятивные (трансцендентальные) идеи разума принимают форму нормативных

идей в конкурирующих дискурсах, и переводит макровопросы на уровень микроанализа, сохраняя собственный утопический фокус диагностики.

Выражение «социальная критика» содержит в себе тавтологию, поскольку очевидно, что объектом критики не может быть природа, как она есть «до и вне человека». Напротив, дела человеческие, общество всегда будут подвергаться критическому рассмотрению. Потому что в этой сфере мы имеем дело со свободой, с самоопределением, с тем, что мы сами создали, пусть и не преднамеренно. Разумеется, граница между социальным и природным подвижна. В социологии эта граница постоянно переопределяется.

Практика, антропогуманитарное конструирование порождает то, что воспринимается как естественное, затвердевает в качестве непреодолимой власти обстоятельств, общественной необходимости, что воспроизводится, сопротивляется, независимо от того, верно или ложно оно осмысляется и осмысляется ли вообще. В созерцании, в теоретическом анализе осуществляется «дематериализация»: материальное оборачивается смысловым, а смысловое интерпретируется как социальное. Социальный конструктивизм заместил материальное социальным, обнаружив в объектах физического мира лишь следы структурирующих их практик. В качестве реакции на претензии социального конструктивизма одна из тенденций в новейшей социологии неслучайно названа «возвращением материального» [11].

Темп исторических изменений, глобализация и порожденное ею неизбежное сравнение социокультурных порядков возбуждают людей, создают веру в то, что институты, возникшие в исторически своеобразных обстоятельствах, могут быть преобразованы. Эту веру подпитывают разнообразные версии критических теорий, общим знаменателем которых выступает «денатурализация»: демонстрация того, что за всеми социальными порядками стоят исторический генезис и мотивация господства. Где проходит граница природного и социального, естественного и искусственного в современном гибридном мире? Соответственно, где осмысленные границы критики?

Социальное познание, социология в ее исторически индивидуальном многообразии (материалистическое понимание истории, социальный реализм, социальный конструктивизм, акторно-сетевая теория, физическая социология, социальная топология и др.) тематизирует и концептуализирует эту границу и сообразно различию предлагает широкий спектр моделей социальной критики. От «тотального отказа» и «требования невозможного» Г. Маркузе до благоразумного предостережения М. Арчер: предметом критики может быть только актуальная деятельность, а не предзаданные условия, «...социальные структуры демонстрируют гибкость и устойчивость перед лицом глубоких концептуальных разногласий между акторами в оценках их действий и концептуальных сдвигов в оценках этих структур» [12, с. 58]. «Мы всегда живем в условиях (структурных, культурных и инструментальных), которые мы не выбираем, и... всегда приходим к субоптимальным переменам, тоже не выбранным нами» (цит. по [5, с. 7]). Социальные структуры не транзитивны. Они существуют и действуют независимо от того, знают о них или нет. Материя сопротивляется. И критика здесь бессильна.

Если раньше социальный теоретик был уверен в своем привилегированном доступе к социальной действительности и в высоком статусе социологической критики, то сегодня он готов учиться у обывателя и даже у «вещей» [13]. О продуктивности для социологии отказа от критической позиции («критического варварства») и возврата к «реалистической установке» рассуждает Б. Латур. Вещи – не пассивные факты, а, скорее, «точки сборки»

проблем и акторов. Б. Латур обрисовывает новую критическую установку для социальной теории: «не бегство к условиям возможности данности фактов, не добавление чего-то более человеческого, чего не хватает не человеческим фактам, а скорее разноплановое исследование средствами антропологии, философии, метафизики, истории, социологии, направленное на выявление количества участников, собираемых в *вещь*, благодаря чему вещь существует и продолжает существовать» [13].

Реализация этой установки предполагает переосмысление центральных категорий социологии: «общества» и «социального». Наступает время критики социологической критики за схематизм и непоследовательность анализа, за ангажированность, за политизацию науки, за бесплодность, за претензию на универсальный нормативный стандарт (ведь он не может быть эмпирически обоснован и всегда соотносится с локальными культурными практиками), за игнорирование критических компетенций акторов в повседневных практиках.

Французские исследователи Л. Болтански и Л. Тевено предлагают обратиться к обычным людям, которые в «критические моменты» (в двойном смысле, когда они сталкиваются с трудностями и критикуют кого-либо или что-либо) могут избегать насилия и договариваться. Как им это удастся? Социолог должен сделать это предметом своего изучения, переосмыслив во многом саму социальную теорию, восстановив ее связь с моральной философией, актуализировав понятие норм не в качестве законов, а в качестве ценностей, «оестественных» в множественных порядках («градах» или, по М. Веберу, «космосах»). Социология призвана создать социологическую теорию критики, показав связь последней с оправданием, а спора – с согласием: «социологию критической способности» [14].

Наконец, «посткритические» теоретики на рубеже веков указывают на необходимость радикального пересмотра онтологического и эпистемологического статуса социологии. Масштабная критика социологической критики в силу автореферентности высказываемых замечаний парадоксальным образом сигнализирует о том, что все опять изменилось; и что посткритическая фаза в социологии так и не наступила; что у социологии, как публичной дисциплины, своеобразно конфигурирующей антропологическую и мировоззренческую проблематику, остается задание предъявлять нормативный фокус, анализируя условия и цели социальных субъектов, действующих в новой исторической эпохе.

Внимательно, полагаю, можно отнестись и к призыву французских коллег, обращенному к социологам: больше прислушиваться к критическим аргументам обычных людей. Но нельзя забывать, что эти обычные люди действуют не «в безликом пространстве культуры», а в «существенном времени истории» [15] и что в их «чувстве справедливости» есть недифференцируемый остаток, укорененный в национальной культурной традиции. Возможно, «выдохшаяся» социологическая критика обретет здесь ценный ресурс. Без критики, не столько разрушающей, сколько охранительной, не обойтись. Социологическая критика не может монопольно определить, что должно, но исследовать возможности социальных преобразований и их ограничения – ее обязанность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 443 с.
2. Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
3. Джонсон Р. Так что же такое культурные исследования? // Логос. 2012. № 1 (85). С. 80–135.
4. Фурс В. Социальная философия в непопулярном изложении. Минск: Пропилеи, 2005. 184 с.

5. Романовский Н. В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (По поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) // Социол. исслед. 1999. № 3. С. 3–11.
6. Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. I: 1914–1939 гг. М.: ИФРАН, 2008. 207 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
8. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма // Логос. 2011. № 1. С. 76–102.
9. Сафронов П. Критическая реакция // Художественный журн. 2015. № 93. С. 7–13.
10. Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с.
11. Вахштайн В. Возвращение материального. Пространства, сети, потоки в акторно-сетевой теории // Социол. обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115.
12. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социол. журн. 1994. № 4. С. 50–68.
13. Латур Б. Почему критика выдохлась? URL: http://www.ncca.ru/app/images/file/Bruno_Latour.pdf (дата обращения: 10.09.2016).
14. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журн. социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 66–83.
15. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия (проблемы нравственной философии). 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1989. 318 с.

A. V. Shcherbina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SOCIOLOGY AND SOCIAL CRITICISM: CRITICAL REASONING MODELS

This article discusses the impact of the critical tradition in sociology on social criticism. High relevance of the sociological critical reasoning models in modern social criticism is shown. A drift from critical macrodiagnostics of the modern society to interpretation of local critical discourses in sociology is analyzed. The necessity to restore the regulatory focus of sociological criticism is substantiated.

Critical reasoning, social criticism, critical tradition in sociology, critical theory models, critical reasoning models, sociological theory of criticism
